

Дума Рылеева оканчивается указанием на канонизацию Михаила:

Михаила за мученья
Церковь празднует святым.⁷⁵

В исторической балладе А. Бестужева «Михаил Тверской» агнографический элемент ярче всего выразился в центральной части, в монологе смертника-героя. В слове, которое полностью соответствует традиционным представлениям о причисленном к лику святых мученику Михаилу, князь взывает к своему сыну, убеждая его терпеливо прощать врагам и огкаться от мести. Этой смиренной покорности отца противопоставляется боевая активность сына. Таким образом, в конце баллады агнографическая точка зрения перекрывается революционно-романтическим пафосом.

5. Образ древнерусской женщины

Древнерусские летописи знакомят нас с некоторыми женскими образами, обрисованными в народно-эпическом стиле. Героическая традиция представлена прежде всего княгинями X в. Ольгой и Рогнедой. Об Ольге летопись сообщает под 945 г., что она несколько раз мстила древлянам, убившим ее мужа. Ее месть обнаруживает изощренную хитрость, обусловленную суровыми обычаями языческих времен. Отличительной чертой народно-эпического стиля является, как мы уже видели, то обстоятельство, что герой без усилий преодолевает все трудности на своем пути. Так, Ольга при мщении не наталкивается на какие-нибудь серьезные препятствия. Ее воинственный характер оказывает большое воспитательное влияние на ее сына Святослава. Ее хитрости противопоставляется доверчивость древлян, граничащая с глупостью. В другом месте летописи образ Ольги дается, с агнографической точки зрения, как одной из первых приверженцев христианства на Руси.⁷⁶

Под 980 г. летопись повествует о нападении князя Владимира на Полоцк.⁷⁷ Но следующие детали можно найти только в Лаврентьевском списке летописи под 1128 г. ретроспективно: «Потом отца ея уби, а саму поя же. И нарекоша ей имя Горислава. И роди Изяслава. Поя же пакы ны жены многы. И нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшу к ней, и уснувшю. Хоте и зарезати ножемь. И ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече, сжалиласи бях: „Зане отца моего уби и зсмяю его полови мене деля, — и се ныне не любиши мене и с младенцем сим“. И повеле сю устроитися во всю тварь цесарьскую, якоже в день посага ея, и сести на постели светле в храмине, да пришед потнет ю».⁷⁸

Карамзин в своей «Истории государства Российского» следует, с одной стороны, историческому преданию, но, с другой стороны, он частично оттеняет народно-эпическую точку зрения по отношению к образу Рогнеды прочувствованной сентиментальной окраской, оставляя без внимания боевые элементы летописного рассказа. Этот эпизод Карамзин называет «трогательным» событием. У него Рогнеда проливает слезы, и ее мстительный поступок оправдывается затронутым чувством чести обма-

⁷⁵ Там же, стр. 102.

⁷⁶ Современная наука различает Ольгу, изображенную в народно-эпическом стиле, как «вешую», и Ольгу, как «святую». Ср.: И. П. Еремин, стр. 76.

⁷⁷ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 54.

⁷⁸ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927, столб. 300.